

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертационном исследовании С. В. Дьяченко
«ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОКАЛИЗМА
ЮЖНОРУССКОГО ГОВОРА В АРЕАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ»,
представленном на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Работа С. В. Дьяченко посвящена экспериментально-фонетическому анализу вокализма говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области, о чем автор сообщает буквально в первых строках своей диссертации (с. 4). Данный говор интересен для исследования с разных сторон, о чем во введении также сказано весьма и весьма подробно. Это, прежде всего, наличие в этом говоре черт разных диалектных зон, что «позволяет строить предположения о направлении миграционных потоков населения в прошлом и, соответственно, об истории заселения территорий» его распространения; а также «стабильность и архаичность его фонетической системы» (там же). В результате целью своего исследования С. В. Дьяченко провозгласила «детальную характеристику вокализма ударного и первого предударного слогов в говоре с. Роговатое в плане фонетики и фонологии», а также «интерпретацию полученных данных в типологическом и географическом планах» (с. 7).

Исследование получилось и правда «детальным» и основательным: инструментальный и аудитивный анализ звукозаписей, выполненных в том числе и автором работы, привлечение материалов специального корпуса говора с. Роговатое и «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ) (в частности, материала говоров соседних Воронежской и Липецкой областей, в которых также «отмечен архаический вокализм или его следы»), использование серьезного статистического аппарата для обработки данных. Одно только авторское определение *научной новизны* проведенного исследования заняло в работе более страницы, набранной убористым шрифтом, – 6 объемных пунктов, с которыми нельзя не согласиться: 1) вокализм говора *впервые изучен* на материале сплошной выборки данных из текстов определенного объема.; 2) инструментально-фонетическим методом установлены качественные характеристики гласных ударного и первого предударного слогов.; 3) гласные первого предударного и ударного слогов одного южнорусского диалекта *впервые рассматриваются* во всей совокупности аллофонов.; 4) количественные отношения между гласными первого предударного и ударного слогов в говоре с диссимилиативным типом вокализма *впервые устанавливаются* на сплошной, большого объема выборке примеров с применением статистических методов и с учетом фразовой позиции.; 5) *впервые установлены* особенности коартикуляции согласных с последующим гласным,ственные говору Роговатого.; 6) посредством анализа большого массива данных <...> уточняется граница распространения говоров, имеющих тот же тип вокализма, что и в исследуемом говоре... (сс. 6-7). Из этого перечня видно, сколько всего в работе сделано *впервые*. И еще более двух страниц занимают 7 основательных положений, выносимых на защиту. Сразу отмечу, что все они в работе убедительно доказаны и действительно защищены.

Иными словами, работа С. В. Дьяченко производит впечатление более чем основательной. По объему и размаху проведенного исследования это просто докторская диссертация, а по масштабу приложений, которые занимают 217 страниц текста и могли бы составить отдельный том диссертации, – добротная монография. На этом фоне немного скромным выглядит список использованной литературы: в нем только 185 наименований, включая словари и источники (о чем я еще скажу ниже), из которых 15 – на иностранных языках (и об этом я тоже скажу еще раз ниже). Для работы столь серьезного и высокого научного уровня, на мой взгляд, этого несколько маловато.

Не буду повторять все те (обязательные на защите) констатирующие моменты (актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость проведенного

исследования, пошаговое описание собственно исследования и все многочисленные положения, выносимые на защиту), которые сама С. В. Дьяченко сегодня уже озвучила и продемонстрировала, скажу лишь, что в работе (в главе 1) дан добротный и очень подробный обзор литературы вопроса, от начала прошлого века, то есть более чем за 100 лет (даже странно, что при такой подробности описания список использованной литературы оказался столь невелик). Фактически представлена вся история изучения южнорусского диссимилятивного вокализма, с акцентом на его архаическом типе, проанализирован материал говоров не одной, а трех соседних областей, что позволило уточнить границы распределения архаического вокализма. Во второй главе подробно описано само село Роговатое Старооскольского района Белгородской области и дана общая характеристика его говора. И далее в работе дается подробнейшее описание эмпирического материала (4,5 часа звучания), собранного и расшифрованного с участием автора диссертации. И все это исследование проведено, на мой взгляд, очень грамотно, добротно и аккуратно. Никаких сущностных замечаний или возражений работа у меня не вызвала.

Однако, при всей несомненно высокой оценке, которую можно дать рецензируемой работе, знакомство с ней все же вызвало у меня ряд вопросов и замечаний, большей частью не затрагивающих существа вопроса, но все же важных для квалификационной работы. Изложу их по порядку, по ходу их возникновения при чтении работы.

1. Дважды на страницах диссертации (во введении и в начале 4-й главы) упоминается *аудитивный анализ*, который, в числе прочих методов, был использован С. В. Дьяченко при работе с материалом. Осталось полностью неясным, что именно имеется в виду: *слуховой анализ*, проведенный самим автором, или *аудиторский (аудитивный) анализ* с привлечением сторонних аудиторов? Если второе, то хотелось бы знать, кто были эти аудиторы, как был построен эксперимент, какие фрагменты предъявлялись испытуемым и каковы отличия его результатов от данных инструментального анализа. Судя по формулировкам типа «звук на слух воспринимается, как...», которые порой встречаются на страницах работы, речь идет все же о слуховом, а не аудитивном (аудиторском) анализе. Но в любом случае сопоставление данных восприятия звуков и их инструментального анализа следовало бы суммировать и описать отдельно: в конце концов, для общения на языке важны именно перцептивно значимые характеристики звуков, которые могут не иметь ничего общего с их объективными характеристиками.

2. Описывая материал своего исследования, С. В. Дьяченко упоминает о «Корпусе говора села Роговатое, подготовленном сотрудниками отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН, в том числе автором настоящей работы, совместно с сотрудниками Международной лаборатории межъязыковой конвергенции НИУ ВШЭ» (с. 5). И снова важный вопрос: о каком корпусе идет речь? Собрание ли это звукозаписей (звуковой корпус) или их расшифровок (фонетическая хрестоматия)? Или и то, и другое «в одном флаконе»? Если это расшифровки, то – в каком виде? Настоящая фонетическая транскрипция или фонетизированная орфография, как принято в диалектологических исследованиях? Кроме всего прочего (в квалификационной работе нужна точность всех формулировок и обоснованность утверждений!), это еще и просто интересно – в свете возможностей использования материалов этого корпуса.

3. Не раз в тексте работы отмечается некоторая небрежность в использовании терминов и в формулировках. Так, С. В. Дьяченко говорит о 7-членной системе вокализма исследуемого говора и закономерно описывает характеристики аллофонов этих 7-ми фонем в разных позициях. И вдруг упоминает о «длительности ударной фонемы» (с. 9) (*фонемы*, а не *аллофона*), а затем – без всяких комментариев – начинает использовать термин «звукотип» (с. 10 и часто далее). Есть ли, в трактовке автора, разница между аллофоном и звукотипом? Думается, что «ударные и безударные фонемы» – это просто невычитанная небрежность. Помню, как Л. Р. Зиндер тщательно следил за аккуратностью

формулировок в работах молодых исследователей. В работе С. В. Дьяченко ему бы это определенно не понравилось.

4. Хотелось бы уточнить еще, какое место в *фонологической системе* говора с. Роговатое занимают *дифтонги* и *монофтонги*. С. В. Дьяченко, как правило, следит за использованием скобок: квадратные – для аллофонов и звукотипов, косые – для фонем. При этом на с. 11 дифтонги подчеркнуто указываются в квадратных скобках, а монофтонги – в косых. Принципиально ли это? Действительно ли монофтонг – это фонема, член фонологической системы говора, а дифтонг – это аллофон как реализация фонемы в речи? Но и о монофтонгах (= фонемах) тоже местами говорится как об ударных или безударных, что вряд ли справедливо.

5. Говоря о согласных, предшествующих анализируемым гласным звукам, С. В. Дьяченко обычно говорит об их твердости или мягкости, а иногда – о «немягкости» (с. 9). А на с. 40 делается вывод о «слабой палатализации согласных перед гласными переднего ряда». Значит ли это, что в данном говоре можно видеть тройное противопоставление согласных: мягкие, немягкие (или «слабо палатализованные») и твердые? Можно ли и это считать особенностью именно данного говора?

6. Для сопоставительного анализа исследуемых гласных С. В. Дьяченко привлекает к исследованию материал русского литературного, украинского и белорусского языков, что вполне логично и не подвергается никакому сомнению. Другое дело с английским языком, материал которого тоже попал в сферу внимания автора. Зачем оказалось нужно – при описании южнорусского говора – привлекать английский материал – по-видимому, литературный, а вовсе не диалектный, и очень далекий, как территориально, так и системно, от той диалектной зоны, которая интересует С. В. Дьяченко в этой работе?

Есть и еще ряд чисто технических замечаний к списку литературы.

7. Во-первых, начинается он почему-то с иноязычных наименований, хотя обычно бывает наоборот: сначала русские работы, потом иностранные. Вспоминаю, что я уже задавала С. В. Дьяченко этот вопрос, когда знакомилась с работой еще до ее подачи в совет. Ответа я тогда не получила, а порядок подачи литературы в списке остался прежним, из чего следует, что для автора это принципиально важно. Хотелось бы услышать ее аргументы на этот счет.

8. Украинские и белорусские работы приведены в русскоязычном списке – по-видимому, потому, что написаны на кириллице. Думаю, найдутся желающие не согласиться с таким решением: есть работы на русском языке, и есть – на иных языках, к которым относятся, в том числе, украинский и белорусский, независимо от используемого алфавита. Впрочем, это, вероятно, можно обсуждать.

9. Не дифференцируются в списке использованной литературы собственно научные труды и источники, такие как «Частотный словарь» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова, Звучащая хрестоматия русских народных говоров, программа Института Макса Планка или многочисленные Диалектологические атласы – русского, украинского и белорусского языков. По ГОСТу, эти списки должны приводиться раздельно, и не только в квалификационных работах, но и в любых научных статьях. В работе С. В. Дьяченко «повезло» в этом отношении только программе PRAAT, которая все же выделена в список источников, состоящий из этого единственного пункта.

10. При указании в списке литературы электронных ресурсов не дается даты обращения к ним, что опять же требуется по ГОСТу.

В остальном же работа С. В. Дьяченко оставляет очень хорошее впечатление. Это серьезное, многоаспектное исследование, отличающееся не только широким спектром привлекаемого к анализу эмпирического материала, но и глубиной его проработки и основательностью выводов. Автор является и участником серии экспедиций в исследуемый диалектный регион, и расшифровщиком/аннотатором своего и чужого звучащего материала, и автором серии экспериментов, и грамотным исследователем,

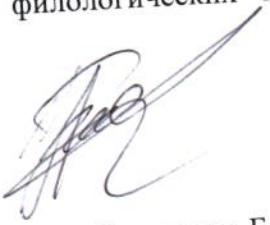
способным анализировать сложный звучащий материал, статистически его обрабатывать и лингвистически интерпретировать. Возразить С. В. Дьяченко мне просто нечего, так как для возражений нужно проделать такую же кропотливую работу, какую проделала она. Остается восхититься и согласиться.

Отмечу еще, что работа очень хорошо иллюстрирована: в ней множество примеров, таблиц и рисунков. Например, в одной только 3-й главе приведено 46 (!) рисунков.

Кроме всего прочего, рецензируемая работа прошла весьма серьезную апробацию, что говорит само за себя: доклады на 17-ти конференциях, семинарах и круглых столах, автореферат и 24 публикации (в том числе 10 – из списка ВАК) полностью отражают ее содержание и вызывают полное доверие к полученным результатам.

Таким образом, диссертация С. В. Дьяченко на тему «Инструментально-фонетическое исследование вокализма южнорусского говора в ареальном контексте», представляет собой законченное, самостоятельное квалификационное исследование, которое полностью соответствует заявленной теме, содержит решение всех задач, поставленных автором, и, несомненно, соответствует требованиям п.п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного правительством РФ (постановление № 842 от 24 сентября 2013 года), а ее автор С. В. Дьяченко заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Доктор филологических наук
(специальность 10.02.01 – русский язык)
профессор, профессор кафедры русского языка
Санкт-Петербургского государственного
университета

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

14.09.2021

Контактные данные автора отзыва:

ФИО: Богданова-Бегларян Наталья Викторовна
Должность: профессор кафедры русского языка
Ученое звание: профессор
Контактный телефон: +7-921-300-9497
E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Полное наименование организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
Ректор: профессор Кропачев Николай Михайлович
Адрес организации в сети Интернет: <https://spbu.ru>
Почтовый адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.
Юридический адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Богданова-Бегларян Н. В.

14.09.2021

